

Юньци не сильно беспокоился о Цзиньвэй, ведь с тех пор, как Чжу Ди поднял войска, прошло уже несколько месяцев, и за это время он почти не появлялся на придворных собраниях.

Жун Цин уже справлялся со своими обязанностями по распределению дежурств, поэтому с Юньци или без него всё и так шло своим чередом. Он уже сознательно передавал все большие и малые дела под управление Жун Цина, чтобы однажды, когда Чжу Юньвэнь окончательно потеряет в него надежду, он мог переложить бремя на Жун Цина и бежать из столицы.

Что касается того, обрушит ли Чжу Юньвэнь свой гнев на подчиненных из Цзиньвэй, этого Юньци гарантировать уже не мог. Именно поэтому сейчас ему приходилось, набравшись терпения, ходить окольными путями, пока не настанет день, когда Чжу Юньвэнь окончательно в нем разочаруется.

Однако пока Чжу Юньвэнь еще не разочаровался в Юньци, сам Юньци уже разочаровался в Ли Цзинлуне.

Ли Цзинлун со злобой сказал:

— Мне нет дела до того, о чём ты там договаривался с императором. В этом месте, сейчас — моё войско, и за всю историю династии Мин* оно ни разу не терпело поражения. Генерал в походе может не исполнять приказы государя, понял?!

* «Мин цзи» (明史) — исторические записи династии Мин, составленные Чэнь Хэ. Звучит точно так же, как míng jì (名妓), «известная куртизанка». Это меняет смысл всего предложения, и ему послышалось, что Ли Цзинлун сказал, что «армия не может одержать победу без известной куртизанки».

Юньци не знал, смеяться ему или плакать. Кивнув, он ответил:

— Да-да-да, этот ничтожный во всём будет слушаться господина Ли.

Ма Саньбао с недоумением спросил:

— Известная куртизанка?

Юньци знаком велел Саньбао замолчать и вместе с личным слугой поднялся в последнюю повозку.

— Отец этого парня — Ли Вэньчжун, — пояснил он Саньбао. — При предыдущем императоре он был опытным полководцем и славился выдающимся военным талантом.

Саньбао приподнял занавеску повозки и выглянул наружу. Он увидел Ли Цзинлуна, горделиво

восседающего на статном жеребце в серебряных доспехах. Позади него суетливо сновала вокруг свита младших подчиненных.

Основные силы насчитывали около пятисот тысяч человек, и хотя для устрашения цифра была завышена на несколько десятков тысяч, реальное число составляло не менее трехсот-четырёхсот тысяч. Ли Цзинлун вел войска, то останавливаясь, то двигаясь дальше, и в конце концов разбил лагерь у Хэцзяня.

К тому времени армия Чжу Цюаня уже захватила Дэчжоу и другие территории, а Гэн Бинвэнь во главе уцелевшего отряда твёрдо удерживал Юнпин. Чжу Ди оставил Пекин без внимания и отозвал все имевшиеся у него войска, намереваясь одним ударом овладеть Юнпином.

Из всех людей при дворе Чжу Ди опасался только бывалого генерала Гэн Бинвэня. Он получил титул Чансин-хоу и в прошлом в течение десяти лет оборонял Чансин, защищая Чжу Юаньчжана от нападений Чжан Шичэна*.

* Чжан Шичэн (1321-1367) — один из лидеров повстанцев в конце правления династии Юань, боровшийся за власть в период «Войны Красных повязок». Он был главным соперником Чжу Юаньчжана в борьбе за трон новой империи.

Как говорил сам Чжу Ди: «Ли Цзинлуна бояться нечего, с ним справится и моя покорная жена. Сначала нужно уничтожить эту старую черепаху, Гэн Бинвэня».

Гэн Бинвэнь хорошо сознавал свои возможности, поэтому плотно запер ворота Юнпина. Выстроив такую несокрушимую оборону, что и воде не просочиться, он начал с Чжу Ди затяжную войну на истощение.

У Гэн Бинвэня было время, а у Чжу Ди — нет, поэтому тот, собрав все войска от Хэцзяня до Пекина, сконцентрировал огонь на штурме Юнпина.

Чжу Ди направил своего самого способного подчинённого в качестве гонца, и тот, подгоняя рысака плетью, помчался в Пекин.

С другой стороны, военные донесения доставлялись одно за другим, и в стане южной армии поднялось невообразимое волнение.

— Великолепно! Ха-ха-ха-ха! — Ли Цзинлун хохотал во все горло. — Небеса помогли! Повезло!

— В Пекине осталась лишь женщина, хромой да монах! — вопил Ли Цзинлун лицом к небу. — Как можно его не захватить?!

Дядя хромого и младший брат женщины — армейский инспектор Сюй Юньци — холодно наблюдал со стороны, как Ли Цзинлун в возбуждении расхаживал по штабной палатке. Юньци

несколько раз хотел напомнить этому главнокомандующему, что та женщина — старшая дочь Сюй Да, и с ней шутки плохи. Однако, опасаясь, что его слова могут быть восприняты как хвастовство происхождением, он решил промолчать.

Юньци, вытянув губы в улыбку, равнодушно спросил:

— И что же генерал Ли планирует делать?

Ли Цзинлун ответил:

— Как повелел император: разделим войска на два направления.

Когда он это сказал, то перестал обращать на Юньци внимание и вышел из штабной палатки.

Войска должны были выступить на следующий день. Стояла душная, влажная погода, и ночью Юньци вышел из палатки, бесцельно прогуливаясь по лагерю. За ним по пятам следовал Ма Саньбао.

— Саньбао, зачем становиться главнокомандующим? — спросил Юньци.

Саньбао, не понимая смысла его слов, после недолгого раздумья с улыбкой ответил:

— У главнокомандующего есть воины, которые его сопровождают, кареты для поездок, лошади для верховой езды и пушки для стрельбы.

Юньци подхватил:

— В конце концов, его всё равно съедят рядовые солдаты. Наш господин главнокомандующий...

Дойдя до этого места, он вместе с Саньбао остановился у края учебного плаца.

Ли Цзинлун стоял со слезами на лице. Отблески огня падали на его лицо, открывая взору багровые глаза главнокомандующего.

— Воины! Ваши родители, дети и жёны были убиты этим мясником, Янь-ваном!

Саньбао, услышав эту пламенную речь, тут же испугался и спросил:

— Что... что это значит?

Юньци шикнул и ответил:

— Должно быть, побежденные солдаты из армии Гэн Бинвэня. Ли Цзинлун солгал... Врать нехорошо.

Юньци не ошибся. На плацу, где стояло почти десять тысяч человек, действительно собрались дезертиры, ранее потерпевшие поражение в стычке с Чжу Цюанем. Теперь Ли Цзинлун, не жалея сил, выдумал ложь, чтобы заставить солдат без привязанностей сражаться не на жизнь, а на смерть, и поднять в них решимость биться с Чжу Ди до конца.

На следующий день Сун Чжун* повел эти десяти тысяч остатков войск и в придачу пятьдесят тысяч северных солдат огромной колонной на Юнпин, намереваясь зажать Чжу Ди и Чжу Цюаня в клещи.

* Тот человек, который принес Чжу Ди поддельный императорский указ в 13 главе.

Ли Цзинлун же возглавил основные силы и быстрым маршем двинулся на Пекин.

Вскоре должна была разыгаться самая нелепая в истории осада города.

Когда они проходили мост Лугоуцяо, по обеим его сторонам не оказалось ни единого стражника. Жители Пекина и войска все отступили во внутренний город.

В уголке губ Ли Цзинлуна промелькнула насмешливая улыбка.

— Господин армейский инспектор, как вы думаете, кто на этот раз будет командовать в Пекине? Хромой? Женщина? Монах?

Ли Цзинлун с издёвкой разглядывал Юньци, но тому не хотелось с ним спорить, и он лишь улыбнулся:

— На этот раз господин Ли непременно успешно захватит Пекин.

Ли Цзинлун громко рассмеялся:

— В таком случае, благодарю господина армейского инспектора Сюя за добрые слова!

Пекин, внутренний город.

В этот момент даже «покорная жена» не испытывала малейшего интереса к Ли Цзинлуну. Сюй Вэнь сидела в княжеской резиденции. Пробежавшись глазами по письму, отправленному Чжу

Ди, она отбросила конверт в сторону и сказала:

— Неужели эти два брата думают, что Юнпин так легко взять? Его защищает Гэн Бинвэнь, старый генерал, служивший ещё при одном дворе с моим отцом...

Тоба Фэн проигнорировал сомнения Сюй Вэнь и сказал:

— Есть что-нибудь съестное? Я голоден, прикажи слугам разогреть мне еду. Я ехал восемьсот ли со срочным донесением и не смыкал глаз уже двенадцать шичэней.

Сюй Вэнь лениво ответила:

— Иди поешь. Говорят, на этот раз армейским инспектором назначили Юньци, так что постарайся вести себя получше.

Услышав имя Юньци, Тоба Фэн даже забыл о еде и поспешно спросил:

— Где он?!

Сюй Вэнь сказала:

— Он ещё не доехал. В таком случае пусть послужит тренировкой для Гаочи. Завтра отправляйтесь с ним к наставнику Дао Яню. Обсудите вместе, как отбить ту горстку солдат Ли Цзинлуна.

Раз Сюй Вэнь назвала пятьсот тысяч человек «горсткой солдат», Тоба Фэн перестал беспокоиться. Он пошёл есть угощения в честь приезда* и дожидаться прибытия Юньци.

* Досл. «смыть пыль» (□□) — обр. в знач.: устроить угощение в честь приехавшего из далёких краёв гостя.

Ли Цзинлун шел ускоренным маршем целые сутки и с уставшей армией достиг Пекина. Он потерял несколько тысяч человек в ловчих ямах, расставленных Сюй Вэнь, после чего оставил пренебрежительное отношение и начал продвигаться дальше с осторожностью, в конце концов разбив лагерь за городом.

Сюй Вэнь заранее переселила всех жителей из окрестных поселков в город, а Чжу Ди, понимая ее без слов, перерезал пути снабжения южной армии провиантом и фуражом. Однако Ли Цзинлун ещё не осознавал, что над ним нависла беда.

Он не спешил штурмовать город, так как изначально следовал тактике «осаждай Вэй, чтобы

спасти Чжао*». Достаточно было создать угрозу глубокому тылу Чжу Ди, чтобы тот потерял душевное равновесие в бою, и, в лучшем случае, поспешно вернуться на помощь. Тогда можно было бы в один присест захватить и Чжу Ди, и Пекин, и самому стать великим героем.

* «Осаждать Вэй, чтобы спасти Чжао» (围魏救赵) — военная стратегия, применённая армией царства Ци в период Сражающихся царств. Они осадили царство Вэй, вынудив его отозвать войска, которые атаковали царство Чжао, тем самым спасли Чжао. Тактика заключается в том, чтобы атаковать тылы противника, заставить его отступить и прекратить наступление на другом направлении.

Однако после почти месяца осады города с поля боя под Юнпином не поступало вестей о победе, а провиант для пятисот тысяч человек был уже на исходе.

— Неужели при дворе не осталось даже такой еды? — Юньци палочками поднял кусок жирного мяса и швырнул его к краю палатки.

Саньбао со страхом смотрел на тушёную свинину в соевом соусе*.

* Саньбао — мусульманин.

— Что это ты там готовишь, дай и мне поесть, — у Юньци потекли слюнки.

Саньбао был хуэйцем и в походе всегда носил с собой маленький железный котелок, готовя еду отдельно у палатки. Сала и свинины он не касался вовсе. Сначала Юньци казалось, что Саньбао питается чересчур скромно, но теперь, когда провиант всё не прибывал, и даже армейский инспектор ел лишь миску белого риса с несколькими стебельками зелени да кусочком сала сверху, Юньци почувствовал недовольство.

Саньбао варил в воде рыбу, пойманную в ручье. Рыбное мясо было белым и нежным, Приготовив блюдо, он почтительно подал его Юньци. Когда он доел, то вытер рот и сказал:

— Пойдём найдём Ли Цзинлуна.

Ли Цзинлун с трудом глотал в командном шатре жирное мясо, чувствуя тяжесть в груди. Увидев, что армейский инспектор пришёл требовать еду, он с раздражением махнул рукой:

— Завтра, завтра точно будет!

Однако «завтра» сменялось новым «завтра». Изо дня в день их кормили «завтраками», а провиант и фураж так и не прибывали.

Сначала ещё был белый рис, три блюда и суп. Потом осталось два блюда и суп. Спустя ещё

полмесяца суп исчез, и осталась одна порция. Вскоре не стало и её, остались только две паровые булочки.

Луна понемногу становилась полной. Снова наступил Праздник середины осени.

Как раз в ту ночь, когда Ли Цзинлун наконец не выдержал и собирался отдать приказ всей армии штурмовать город, ворота Пекина распахнулись, и из него медленно выехал обоз.

— Кто там? — Ли Цзинлун, насторожившись, приказал всей армии не предпринимать опрометчивых действий и лично приблизился к передовой.

В лагере поднялась суматоха. Едва продрал глаза, Юньци вскочил, на ходу подпоясался, надел шапку и вылетел из палатки. Пробежав несколько шагов, он обернулся, взял у Саньбао сапоги, поспешно натянул их и только тогда добрался до самой передней линии укреплений.

Ясной ночью сияла луна. Один человек, опершись коленом на переднюю перекладину повозки, свесил другую длинную ногу наружу, покачивая ею.

Лунный свет падал на его красивое лицо. Этот человек поднёс бамбуковую флейту к губам и заиграл мелодию «Луна над Чанъанем».

Уже над городом Чанъань

Сияет круглая луна.

Но всюду слышен стук вальков,

И женщины не знают сна.

Осенний ветер во дворах

Всю ночь свистеть не устает.

И помыслы мои летят

К заставе Яшмовых ворот.

Когда же, варваров смилив,

Утихнет долголетний бой?

Когда домой придут войска

И муж мой встретится со мной*?

* Строки из стихотворения Ли Бо «Осень. Из песни Цзы-е». Перевод: Гитович А. И.

Мгновенно в лагере южной армии герои распустили нюни. Воины и командиры заплакали навзрыд! У всех бойцов южной армии, которых столько дней морили голодом, ручьем потекли слезы.

Мелодия, исполняемая Тоба Фэном, пробудила в воинах тоску по родным. Её печальные переливы разносились между небом и землёй.

— Этот дурак... — Юньци не знал, смеяться ему или плакать.

— Господин армейский инспектор Сюй знает этого человека? — Ли Цзинлун прищурился.

Юньци поспешно ответил:

— Не знаю. Саньбао, а ты?

Саньбао тут же сказал:

— Я тоже не знаю...

Тоба Фэн убрал флейту, спрыгнул с повозки и, словно никого не замечая, направился к Юньци.

— Посол из Пекина? Назови своё имя! — отступив на шаг, с тревогой спросил Ли Цзинлун.

Тоба Фэн подошёл ближе, казалось, немного стесняясь. Затем он улыбнулся Юньци, двумя пальцами ущипнул его за нос и, подшучивая, сказал:

— Младший шурина... мама... велела передать тебе лунные пряники.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326091>